

## К ВОПРОСУ ГЕНЕЗИСА ОСЕТИНСКОГО ГЛАГОЛА

Э. Б. САТЦАЕВ

В отличие от многих новоиранских языков осетинский не сохранил всего богатства древнеиранских глагольных форм. Спряжение в нем по сравнению с древнеиранским представляется весьма упрощенным и урезанным. Однако те формы, которые сохранились, относятся к иранскому типу. Обычным видом глагольных основ в осетинском в прошлом были односложные основы типа закрытого, реже открытого, слога. Двусложные основы, которые в современном языке встречаются в значительном количестве, образовались в результате сращения превербов со старыми односложными основами [1, 605].

Осетинский глагол характеризуется своей архаичностью.

В осетинском сохранилось характерное для древнеиранских языков чередование двух основ глагола: основы настоящего времени и основы прошедшего времени.

Основа настоящего времени обычно совпадает с корнем глагола. Ее можно получить, отбросив окончание инфинитива. Основа настоящего времени совпадает также с формой повелительного наклонения в единственном числе.

Основа прошедшего времени оканчивается на суффикс *d* или *t*, что является рефлексом иранского суффикса *-ta*.

При образовании основ прошедшего времени гласная внутри глагола большей частью меняется.

Встречается также супплетивная форма основы прошедшего времени.

Морфологические чередования в основах осетинского глагола почти полностью продолжают древние чередования в основах презенса, и инновации в этой области не прослеживаются.

Развился комплекс видовременных форм в плане содержания «завершенности/незавершенности».

Добавились особенности формообразования от префиксальных и от сложномысленных глаголов – сочетаний имени с глаголом разной степени идиоматичности.

Осетинский глагол различает два числа: единственное и множественное. В единственном числе действие приписывается одному лицу или предмету, во множественном – нескольким лицам или предметам.

Категория числа связана с категорией лица. Формами выражения числа являются личные окончания глагола. Число выражается в осетинском языке флективным способом.

Отношение действия к говорящему лицу в осетинском выражается личными окончаниями, которые не всегда сопровождаются личными местоимениями.

Личные окончания глагола изменяются по числам, временам и наклонениям. Переходные и непереходные глаголы в прошедшем времени имеют различные окончания. Различается группа безличных глаголов, которые обозначают действие или состояние, не связанное с грамматическим субъектом действия. Эти глаголы не изменяются по лицам и выступают в речи всегда в одной и той же форме – в форме третьего лица.

Распространено также употребление безличных форм личных глаголов. Эти глагольные формы не имеют страдательного залога. Они образовались на основе древнеиранской страдательной конструкции, состоящей из причастия прошедшего времени страдательного залога плюс глагол-связка в форме 3-го лица единственно-

го числа. Безличную форму можно образовать почти от любого глагола.

Материальная и типологическая трансформация глагола в осетинском и иранских языках обнаруживает заметные схождения.

Изменения материального плана предопределялись историко-типологическими процессами и проходили на фоне изменения от последовательно номинативной типологии праязыковой системы к смешанной номинативной и эргативной. Однако в осетинском языке наблюдаются лишь элементы эргативности, что вполне допускает ее наличие в прошлом, т.е. произошел возврат к номинативности.

Изменилась также содержательная сторона некоторых грамматических категорий. Общими грамматическими категориями в иранских языках являются категории лица, числа, времени, склонения, залога, вида. В выражении видовременных форм большую роль стала играть превербальная система в основном древнего происхождения.

Усложнились отношения между словом и формобразованием глагола. Кроме общей зависимости словоизменения от лексического значения глагола добавились особенности формобразования от префиксальных и от сложноименных глаголов [2, 70].

Большинство восточноиранских языков используют для прошедшего времени рефлексы древних причастных конструкций, хотя принципы их построения и сами причастия неодинаковы. Исконные флективные формы изъявительного склонения осетинского и иранских языках охватывают сферу настоящего времени и продолжают древние формы настоящего времени. На основе этих форм одновременно возникли новые флективные формы, такие как, например, будущее время.

Осетинский язык по сравнению с другими иранскими языками развил несколько своеобразную систему личных глагольных форм. Оппозиция настоящее / прошедшее время в нем исконно иранская, однако сфера вторичного перфекта в нем не разрабо-

талась. Связанные между собой значения завершенности и результативности в осетинском выражены превербами и другими лексическими средствами, аналогично русскому языку [3, 75-77]. Однако это не повлияло на противопоставление основ настоящего и прошедшего времен. Основы настоящего времени являются продолжением древнеиранского презенса. Рефлексы древних основ совершенно прозрачны. Форма настоящего времени в осетинском образуется от основы флективными окончаниями.

Происхождение флективных окончаний целиком иранское и их современный фонетический облик легко объясняется особенностями фонетических процессов, происшедших в осетинском языке. Большую роль в изучении этих процессов играет дигорский диалект, в котором часто представлены переходные от древнеиранских к современному осетинскому фонетические формы. Это особенно важно в условиях крайней скудости лингвистического материала по осетинскому языку на протяжении длительного исторического периода.

Будущее время образуется от основы презенса при помощи суффикса *zyn*, происходящего от древнеиранского *čana, čina* 'хотящий'. Типологически это аналогично согдийским, хорезмийским и персидским конструкциям. Окончания будущего времени особые, и происходят они из старой связки [2, 81].

В системе осетинского глагола особую роль играют превербы. Они пронизывают всю парадигму глагола в целом. Превербы делятся на продуктивные и непродуктивные. Одной из функций превербов является пространственная ориентация. В этом они сравнимы с целым рядом языков, в том числе с кавказскими. Наличие многочисленных превербов, особенно с семантикой пространственной ориентации, является наряду со смычно-гортанными звуками наиболее веским доводом для сторонников наличия кавказского субстрата в осетинском языке. Однако при этом игнорируется

тот факт, что все превербы надежно этимологизируются на иранской почве и значительная часть превербов имеет аналогии в других иранских языках. Следовательно, богатая превербальная система современного осетинского языка развилась сравнительно недавно на основе собственно иранской превербальной системы и субстратное влияние здесь не усматривается.

О позднем развитии современной осетинской превербальной системы говорит и тот факт, что в дигорском диалекте, отражающем более раннее состояние осетинского языка, превербов меньше и их функции здесь несколько отличаются. Дигорская система превербов обнаруживает особо близкое сходство с превербальной системой значительной части иранских языков.

Превербы в осетинском языке кроме пространственной ориентации указывают на многократность, длительность, начинательность, интенсивность действия. Они также образуют словоформы со значением завершенности, предельности действия от беспревербных форм, не имеющих этих значений. По аналогии с русским языком их называют формами совершенного и несовершенного вида, хотя удельный вес собственно видовых и некоторых иных, чисто лексических, противопоставлений в разных парах этих глаголов неодинаков. [2, 81]

Система превербов пронизала всю парадигму осетинского глагола. Кроме видообразующей функции превербы оказывают влияние на временную характеристику осетинского глагола.

Так, глаголы с превербами, имеющие значение завершенного действия, не могут быть употреблены для действия в настоящем. Они в этом случае выражают многократное действие.

В иронском диалекте (литературном осетинском) преверб крепко спаян с основой и присоединяемые к словоформе энклитические элементы ставятся вне ее. В дигорском диалекте преверб менее спаян с основой и энклитические местоимения и

некоторые частицы ставятся между превербом и основой [1, 612-613].

В некоторых случаях разрыв преверба допускают и некоторые разговорные формы иронского диалекта:

*ærba – iw – mæt – kašti* 'он поглядывал на меня'.

Все это свидетельствует об относительно позднем сращении преверба с глаголом, уже после разделения осетинского языка на диалекты.

На относительную самостоятельность осетинских превербов указывает целый ряд и других факторов. [2, 82]

Однако выражение видовых значений в осетинском языке не ограничивается использованием только лишь превербальной системы. Вид может передаваться лексическими и аналитическими средствами. Аналитические средства сами по себе в осетинском языке являются инновационными, хотя в основе их лежат особые форманты и приглагольные частицы иранского происхождения. Например, частица *iw*, придающая глаголу значение длительного многократного действия, имеет соответствие в авестийском языке: *yavae* – 'постоянно'; формант *caej*, ставящийся после преверба перед основой и придающей глаголам значение неопределенности, начинательности, может восходить к древнеиранской глагольной форме: авест. *šav* – 'идти' (в древнеиндийском *śyav* – 'идти' [4, 308]).

После форманта – *caej* – энклитические местоимения и частицы могут быть вставлены перед основой в иронском и дигорском диалектах, что также говорит о позднем характере сращения преверба с глаголом в осетинском [5, 85].

Подобно осетинскому языку, значение совершенности (предельности) / несовершенности (неопределенности) пронизывает всю глагольную систему многих иранских языков. Кроме указанных способов они передаются также лексически, как в осетинском.

Совершенство / несовершенство показательна для форм прошедшего и буду-

щего времен, поскольку действие в настоящем неопредельно и не входит в данную оппозицию.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что глагольная система в сравниваемых языках обнаруживает значительное типологическое сходство, вос-

ходящее к общим для них древнеиранским формам.

Явления субстратного характера в глагольной системе осетинского и большинства иранских языков не прослеживаются. Синхронность развития глагольных форм прозрачна.

- 
1. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
  2. Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
  3. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1959.
  4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1.
  5. Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки II. М., 1978.